

# Тони Моррисон

Боже,  
храни мое дитя

*Ничто на свете  
не дается  
бесплатно... Даже  
любовь матери*



От автора знаменитой «Возлюбленной»

Лучшее из лучшего. Книги лауреатов  
мировых литературных премий

Тони Моррисон

**Боже, храни мое дитя**

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

## **Моррисон Т.**

Боже, храни мое дитя / Т. Моррисон — «Эксмо»,  
2015 — (Лучшее из лучшего. Книги лауреатов мировых  
литературных премий)

ISBN 978-5-699-92111-9

«Боже, храни мое дитя» – новый роман нобелевского лауреата, одной из самых известных американских писательниц Тони Моррисон. В центре сюжета тема, которая давно занимает мысли автора, еще со времен знаменитой «Возлюбленной», – Тони Моррисон обращается к проблеме взаимоотношений матери и ребенка, пытаясь ответить на вопросы, волнующие каждого из нас. В своей новой книге она поведает о жестокости матери, которая хочет для дочери лучшего, о грубости окружающих, жаждущих счастливой жизни, и о непокорности маленькой девочки, стремящейся к свободе. Это не просто роман о семье, чья дорога к примирению затерялась в лесу взаимных обид, но притча, со всей беспощадностью рассказывающая о том, к чему приводят детские обиды. Ведь ничто на свете не дается бесплатно, даже любовь матери.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-92111-9

© Моррисон Т., 2015

© Эксмо, 2015

## Содержание

Часть первая	6
Свитнес	6
Брайд	9
Бруклин	18
Брайд	21
Свитнес	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

# Тони Моррисон

## Боже, храни мое дитя

© Тогоева И., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

\* \* \*

*Тебе*

*«Пустите детей приходить ко Мне и не возбраняйте им...»*

*Лука 18:16*

## Часть первая

### Свитнес

Дело тут не во мне. И винить меня не за что. Ничего такого я не делала и понятия не имею, как это вообще могло произойти. Когда ее наконец из меня вытащили, я довольно быстро, не потребовалось и часа, поняла, что с ней что-то не так. Причем по-настоящему. Она была настолько черная, что я даже испугалась. Это была какая-то полночная, прямо-таки суданская чернота, как у обитателей Африки южнее Сахары. Сама-то я светлокожая, и волосы у меня красивые, можно сказать, каштановые; да и отец Лулы Энн тоже светлый. В моей семье никогда ни у кого даже близко не было такого цвета кожи, как у нее, – цвета дегтя, это, пожалуй, самое точное сравнение. А вот волосы у нее такой черной коже совсем не соответствуют. Они у нее густые, жесткие и почти прямые, точнее, слегка волнистые, как у этих австралийских аборигенов, которые голышом ходят. Можно, конечно, предположить, что это необъяснимая «отрыжка» далекого прошлого, но насколько далекого? Вы бы на мою бабушку посмотрели: ее вообще всегда за белую принимали, и она ни с кем из своих детей сроду не общалась. Получит письмо, скажем, от моей матери или от моих теток и сразу же, прямо нераспечатанным, назад отправляет. В конце концов все они поняли, что переписке меж ними не бывать, и оставили ее в покое. Собственно, так в те времена поступали почти все светлые мулатки и квартеронки – особенно если у них волосы были «правильные» и не могли их выдать. А теперь попробуйте представить, скольким белым в жилы тайком пробралась частица негритянской крови? Ну что, догадались? Насколько мне известно, таких двадцать процентов. Например, моя мать, Лула Мей, запросто могла бы за белую сойти, да только не захотела. Она мне рассказывала, какую цену ей пришлось заплатить за такое решение. Когда они с моим отцом пришли в ратушу, чтобы зарегистрировать брак, то оказалось, что там две Библии! Им велели класть руку на ту, что была только для негров. А на вторую могли класть руки только белые. Две Библии! Можете себе такое вообразить? Моя мать служила домоправительницей у одной богатой белой пары. Эти люди с удовольствием ели то, что она готовила; принимая ванну, просили ее потереть им спинку; да бог знает, сколько еще интимных вещей они ее делать заставляли; но прикасаться к их Библии ей было нельзя!

Кто-то, возможно, сочтет, что нехорошо, когда люди разбиваются на группы в соответствии с оттенком кожи – чем светлее, тем лучше, – и это касается всего: и отношений с соседями, и посещения клубов, и поведения в церквях и сестринских общинах, и даже обучения в школах для цветных. Но разве есть иной способ сохранить хотя бы чуточку достоинства? Как, например, избежать плевка в твою сторону в аптеке, или удара локтем на автобусной остановке, или требования сойти с тротуара в грязь и уступить его белым? Как не платить в магазине лишних пять центов за бумажный пакет, хотя всем белым покупателям пакеты выдаются бесплатно? А обо всяких мерзких прозвищах и говорить не стоит. Уж я-то их наслушалась с избытком. Моя мать, например, только благодаря светлому цвету кожи могла спокойно примерять в универмаге шляпки или пользоваться той же дамской комнатой, что и белые. И отец мой всегда примерял обувь прямо в зале, а не в крошечной задней комнатке для цветных. И оба они, и мать, и отец, лучше умерли бы от жажды, но ни за что не позволили бы себе напиться из фонтанчика, где написано: «Только для цветных».

Мне очень неприятно об этом говорить, но моя дочь, Лула Энн, действительно еще в родильной палате привела меня в полное замешательство. Дело в том, что сразу после появления на свет она показалась мне довольно светлой – впрочем, даже у африканских младенцев цвет кожи сперва бледноват, – но потом очень быстро стала темнеть и буквально у меня на

глазах превратилась в иссиня-черную негритянку. Я чуть с ума не сошла! Да нет, на какое-то время я точно разум утратила, потому что накрыла ей личико одеялом – пусть и всего на несколько секунд – и слегка прижала... Но нет! Этого я сделать не смогла, как бы сильно ни страдала при виде ее черной кожи. У меня даже мелькнула мысль отдать ее в какой-нибудь сиротский приют. А вот поступить, как некоторые другие, и подбросить ребенка на церковное крыльцо, я просто боялась. Недавно я слышала о паре из Германии, оба белые как снег, а ребенок у них темнокожий, и откуда он такой взялся, никто объяснить не может. Вроде бы у них и не один ребенок, а двое, близнецы, – один белый, второй цветной. Вот только не знаю, правда ли это. Одно я знаю точно: кормить свою дочь грудью было для меня все равно, что давать сиську какому-то жалкому негритенку. И я, как только выписалась из больницы и оказалась дома, сразу же перешла на искусственное вскармливание.

Мой муж, Луис, работал проводником на железной дороге, и когда он вернулся домой после рейса и увидел нас, то посмотрел на меня так, словно я действительно спятила, раз показываю ему «это отродье». А на девочку он и вовсе глянул с отвращением – словно это существо с планеты Юпитер. Вообще-то привычки сквернословить у него не было, и когда он заорал: «Что это, черт побери, такое?!», я сразу поняла: дело плохо. И точно. Мы с ним начали ссориться, и в итоге наш брак развалился. Мы очень хорошо прожили первых три года, но когда родилась Лула Энн, муж обвинил меня в измене, а к девочке он и вовсе относился как к чужой или даже хуже – как к врагу.

Он никогда к ней не прикасался. И я так и не сумела убедить его, что мне никогда, никогда даже в голову не приходило его обманывать, изменять ему. Он был абсолютно уверен, что я вру. Мы ссорились и спорили, и однажды я не выдержала и сказала, что свою черную кожу наша дочь наверняка унаследовала от его, а не от моих предков. Вот тут-то наш брак и рухнул окончательно; Луис просто встал, молча собрался и ушел, а мне пришлось искать другое жилье, подешевле. Я, правда, сообразила, что на переговоры с хозяевами девочку брать не стоит, и оставляла ее на попечение одной своей молоденькой родственницы. Я и потом старалась как можно реже ее показывать; даже гуляла с ней нечасто, потому что, стоило мне выйти на улицу с детской коляской, и многие люди, как знакомые, так совсем незнакомые, тут же к нам подходили и с улыбкой наклонялись над коляской, чтобы посюсюкать над младенцем, но тут же, вздрогнув от неожиданности, выпрямлялись, хмурились, а то и вовсе в сторону отскакивали. Очень все это было неприятно. Вот если б было наоборот – у нее светлая кожа, а у меня темная, – было бы значительно легче: меня запросто могли бы счесть ее нянькой. А в нашем случае все складывалось очень нехорошо. Ведь цветной женщине – даже такой светлокожей, как я, – снять квартиру в приличном районе города очень сложно. Хотя в девяностые, когда родилась Лула Энн, закон специальный создали, согласно которому запрещалось подвергать дискриминации цветных квартиросъемщиков. Только мало кто на этот закон внимание обращал. Хозяин квартиры мог найти сколько угодно причин, лишь бы тебя в свой дом не впустить. И только с мистером Ли мне повезло, хоть я и знала, что с меня он берет на семь долларов больше, чем было написано в объявлении; и потом, он каждый раз страшно сердился, если я хоть на минуту опаздывала с оплатой квартиры.

Я велела девочке называть меня Свитнес<sup>1</sup>, а не «мама» и не «мать». Так было безопасней. У нее такая черная кожа и такие ужасно толстые губы, что это только людей бы с толку сбивало, если б она меня мамой стала звать. Да и глаза у нее какие-то совсем уж невероятные – черные-пречерные, как у вороны, да еще и с голубоватым отливом; прямо как у ведьмы.

Довольно долго мы с ней жили только вдвоем. По-моему, и рассказывать не стоит, как тяжело быть брошенной женой. Но, похоже, у Луиса кошки на душе скребли из-за того, что он нас тогда бросил, и через какое-то время он выяснил, куда я переехала, и стал раз в месяц

<sup>1</sup> Sweetness (англ.) – сладость; здесь: милая, любимая. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

присылать мне деньги, хотя я его об этом никогда не просила и в суд за алиментами не обращалась. Его пятьдесят долларов и мои ночные дежурства в больнице позволяли нам с Лулой Энн вполне прилично существовать, но социальное пособие мне платить перестали. Что, в общем, было даже полезно. И вообще, хорошо бы это наконец перестали называть «пособием» и вернулись к тому слову, которым пользовались, когда моя мать была еще девочкой. Тогда это называлось «помощью». Звучит куда лучше, словно тебе просто дают кратковременную передышку, помогая собраться с силами. И потом, чиновники, назначающие пособие, всегда такие злобные! Каждый раз от них словно плевков получаешь. Когда я нашла работу и перестала нуждаться в их чертовом пособии, то, между прочим, зарабатывала побольше любого из них. Наверное, выписывая нам это худосочное пособие, они были настолько переполнены злобой и завистью, что невольно обращались с нами, как с попрошайками. Особенно если рядом со мной была Лула Энн. Они так подозрительно смотрели то на нее, то на меня, словно я их обманываю или еще что. Но, в общем, жизнь у нас стала постепенно налаживаться. Хотя мне по-прежнему приходилось вести себя довольно осторожно. Особенно в том, что касалось воспитания Лулы Энн. Я вынуждена была обращаться с ней очень строго. Очень. Ее ведь нужно было научить умению вести себя должным образом, всегда быть неприметной, стараться ни в ком не вызывать раздражения. Да мне плевать, сколько раз она свое имя меняла! Ее черная кожа – вот тот крест, который ей до конца жизни нести. Только моей вины тут нет. Нет, и все.



## Брайд

Мне страшно. Что-то со мной неладное творится. Такое ощущение, словно я вот-вот растаю, исчезну без следа. В общем, не могу этого толком объяснить, но точно знаю, когда все началось. После того как он заявил: «Ты не та женщина, которая мне нужна».

«Ну и мне не такой мужчина нужен!» – ответила я. И до сих пор не понимаю, зачем я это сказала. Просто выскочило изо рта, и все. А он, услышав злобный ответ, с ненавистью на меня глянул, натянул джинсы, схватил в охапку ботинки и футболку и был таков. И лишь когда за ним с грохотом захлопнулась дверь, у меня на мгновение мелькнула мысль: а что, если он своим уходом не просто поставил точку в дурацком споре, а завершил этим наши отношения? Да нет, такого просто быть не могло! И я была уверена, что вот-вот, буквально в любую минуту, услышу, как поворачивается ключ в замке, как со щелчком открывается, а потом закрывается входная дверь. Я прождала всю ночь, но так ничего и не услышала. Ни звука. Каков, а? Я что, недостаточно сексуальна? Или не слишком красива? Или, может, не имею права на собственные мысли? Или как-то не так, с его точки зрения, себя веду? В общем, я с утра пораньше, едва успев проснуться, пришла в ярость и заявила себе: ну и прекрасно, пусть катится! Ведь он меня, ясное дело, просто использовал. Еще бы, у меня и деньги водились, и в смысле секса я его полностью устраивала. Господи, до чего же я была на него зла! Видели бы вы меня в то утро – можно было подумать, что мы с ним полгода в одной тюремной камере провели, не имея адвоката и не зная, в чем нас обвиняют; а потом судья вдруг решил наше дело закрыть – то ли отложил, то ли вообще отказался в нем разбираться. Но я в любом случае не намерена была ни выть, ни скулить, ни кого бы то ни было обвинять. Он высказался; я с ним согласилась. Ну и хрен с ним! Честно говоря, в наших отношениях ничего особенно захватывающего и не было – даже того опасного секса, которым я раньше иной раз позволяла себе развлечься. И уж точно наши отношения не имели ничего общего с теми фотографиями в полный разворот, какие публикуют в модных журналах; на них влюбленные с прекрасными полуобнаженными телами стоят в волнах прибоя, и вид у них одновременно и развратный, и смущенный, а воздух вокруг парочки буквально пропитан сексуальностью, и в нем словно потрескивают искры, точно вспышки молний на грозно потемневшем небосклоне, который, кстати, служит отличным фоном для соблазнительно сияющей кожи влюбленных. Я обожаю подобные рекламные снимки. Но наша любовная история не дотягивала даже до какой-нибудь старомодной песенки R&B – примитивной мелодии, которая держится в основном на лихорадочном ритме ударных. Да что там, она даже на сладкую лирику блюзов 30-х годов не тянула: «Baby, baby, why you treat me so? I do anything you say, go anywhere you want me to go»<sup>2</sup>. Сама не знаю, зачем я все время сравниваю нас с фотографиями в модных журналах или с героями песенок. На самом деле мне почему-то постоянно хочется слушать «I Want to Dance with Somebody»<sup>3</sup>.

На следующий день шел дождь. Капли, как пули, стучали по оконному стеклу, оставляя следы в виде прозрачных водяных нитей. Я очень старалась не поддаваться искушению и не смотреть в окно на дорожку, ведущую к дверям нашего кондоминиума. Да и что туда смотреть – я и так прекрасно знала, что там, за окном: жалкие пальмы вдоль дороги, несколько скамеек в убогом крошечном парке и, скорее всего, никого из прохожих, а вдали еще кусочек моря. Я также старалась подавить любую мысль о прошлом и ни в коем случае не поддаваться желанию все вернуть. Как только на поверхности моего сознания возникала легкая рябь тоски, я немедленно ее гасила, а где-то в полдень откупорила бутылку «Pinot Grigio» и рухнула на диван, в

---

<sup>2</sup> «Детка, почему ты так ко мне относишься? Я же сделаю все, что ты скажешь, пойду, куда ты велишь» (англ.).

<sup>3</sup> Песня Уитни Хьюстон; авторы Джордж Меррилл и Шэннон Рубикэм; главные слова припева: «Я хочу танцевать с кем-то / с кем-то, кто любит меня...»

объятья замшевой обивки и шелковых подушек, почти таких же уютных, как его руки. Почти. Потому что его объятья были лучше. Потому что, и я должна это признать, он – действительно очень красивый мужчина; его внешность практически безупречна, если не считать крошечного шрама на верхней губе и уродской красно-оранжевой блямбы на плече, похожей на кляксу с хвостом. А во всем остальном с головы до ног он просто великолепен. Я и сама, надо сказать, очень даже недурна, так что можете себе представить, как мы смотрелись вместе. Выпив пару бокалов белого вина, я чуточку захмелела и решила позвонить моей подруге Бруклин и все ей рассказать. Пожаловаться, какой удар – куда сильнее, чем кулаком! – он нанес мне всего семью словами: «Ты не та женщина, которая мне нужна», и меня это настолько потрясло, что я невольно с ним согласилась. Ну полная глупость! Впрочем, потом я передумала ей звонить. Да и что говорить. Сами знаете, с кем такого не бывало. Ничего особенного. Просто он взял и ушел, а я так и не знаю почему. Я понимала, что в офисе у нас полно дел, и решила, что не стоит отвлекать Бруклин, мою лучшую подругу и коллегу, пустыми разговорами о ссоре с бойфрендом. Особенно сейчас, когда я стала региональным менеджером, а это все равно что стать капитаном команды, который обязан поддерживать внутри нее правильные взаимоотношения. Наша компания «Сильвия Инкорпорейтед» пока что не имеет особого веса в мире косметики, но уже начинает расцветать и наконец-то становится известной, сбросив свое прежнее старомодное обличье. В сороковые годы это была небольшая фирмочка, которая называлась «Грациозные корсеты для женщин с тонким вкусом», потом она превратилась в компанию по производству одежды «Сильвия»; а теперь это настоящая машина «Сильвия Инкорпорейтед», которая занимается исключительно косметикой; в ней целых шесть новомодных косметических линий, и одна из них принадлежит мне. Я назвала ее «YOU, GIRL!». Наш слоган: «Эй, девушка! Вот косметика для твоего личного тысячелетия!» Мы предлагаем косметику для девушек и женщин с любым цветом кожи от эбенового до лимонадного и молочно-белого. И «YOU, GIRL!» – это целиком мое детище: моя идея, мой бренд, моя рекламная кампания.

Сунув ноги под шелковую подушку и шевеля пальцами, я вдруг улыбнулась, заметив, что отпечаток моих накрашенных губ на винном бокале напоминает улыбку, и подумала: «Ну что, Лула Энн? Разве тебе когда-нибудь в голову приходило, что ты можешь стать успешной, удачливой, сексапильной женщиной?» А что, если именно такая, как Лула Энн, ему и нужна? Увы, Лула Энн Брайдуэлл ныне уже недоступна; ее попросту больше не существует; да она, эта Лула Энн, собственно, и женщиной-то не была. Она – это бывшая я. В шестнадцать лет, едва закончив среднюю школу, я от этого дурацкого деревенского имени отказалась. И года два называла себя Энн Брайд, а позже, после собеседования в «Сильвия Инкорпорейтед», уже получив работу в отделе продаж, я – по наитию, наверно, – совсем укоротила имя и стала просто Брайд<sup>4</sup>; к такому односложному, легко запоминающемуся имени никому ничего не требовалось прибавлять ни до, ни после. Клиентам и сотрудникам новое имя нравилось, а вот он его игнорировал и чаще всего называл меня просто «беби». «Привет, беби»; «Идем, беби». А еще иногда говорил: «Ты моя девочка», подчеркивая это «моя». Один только раз он назвал меня «женщиной» – когда ушел и бросил.

Я выпила еще немного белого вина и окончательно пришла к выводу: ну и тем лучше! Хватит заниматься ерундой, играя в любовь с человеком-загадкой, у которого к тому же явно нет никаких видимых средств к существованию. А может, он и вовсе бывший уголовник. Впрочем, вряд ли. Во всяком случае, он всегда смеялся, когда я поддразнивала его, спрашивая, как он проводит время, пока я на работе. Просто бездельничает? Или где-то бродит? А может, с кем-то встречается? С кем? А еще он, словно в шутку оправдываясь, говорил, что, когда с утра по субботам ездит в деловую часть города, это не связано ни с необходимостью отмечаться в полиции как освобожденному условно-досрочно, ни с визитами к адвокату, который занима-

<sup>4</sup> Bride (англ.) – невеста.

ется восстановлением в правах бывших наркоторговцев. В общем, шутки шутками, но он так и не рассказал, зачем туда ездит. А ведь я ему все о себе выложила, абсолютно все! И поскольку он о своей жизни ничего не говорил, я в итоге стала придумывать всякую ерунду в стиле телесериалов: что он, например, тайный осведомитель, которого в соответствующей организации снабдили фальшивыми документами; или бывший адвокат, лишившийся практики; или еще что-нибудь в этом духе. Но, если честно, мне было абсолютно все равно, кто он такой.

На самом деле он ушел в самый что ни на есть подходящий момент. Теперь, когда его больше не было ни в моей жизни, ни в моей квартире, я могла полностью сосредоточиться на дальнейшем развитии линии «YOU, GIRL!», а также, что было не менее важно, выполнить то обещание, которое дала себе задолго до знакомства с ним – кстати, именно об этом мы так яростно спорили в ту ночь, когда он заявил: «Ты не та женщина...» И теперь как раз было самое время выполнить это обещание; во всяком случае, если верить информации, выложенной по ссылке [prisoninfo.org/paroleboard/calendar](http://prisoninfo.org/paroleboard/calendar). Собственно, я целый год планировала эту поездку, тщательно обдумывая то, что может понадобиться человеку, освободившемуся по УДО: мне удалось скопить пять тысяч долларов наличными, а еще я за три тысячи купила подарочный сертификат фирмы «Континентал Эйрлайнз». Ко всему этому я решила прибавить подарочный набор от «YOU, GIRL!» и сложить подарки в самую модную сумку-шоппер от Louis Vuitton. Имея все это, она могла бы полететь куда угодно. По крайней мере, надеялась я, это хоть немного ее утешит, поможет забыть о бедах, выпавших на ее долю, и хотя бы на время избавиться от чувства безнадежности и тоски. Ну, может, и не тоски, все-таки тюрьма – это не монастырь. А он никак не желал понять, почему я непременно должна к ней поехать, хоть и знал, что я давным-давно дала себе такое обещание. И в ту ночь мы снова здорово повздорили из-за этого, а потом он сбежал. Наверное, он чувствовал угрозу собственному эго; его раздражало, что мой поступок «доброй самаритянки» будет связан не с ним, а с кем-то другим. Эгоистичный ублюдок! Между прочим, за квартиру, где мы жили вместе, платила я, а не он; и за прислугу тоже. А в клубы и на концерты мы ездили на моем роскошном «Ягуаре» или на такси, которое вызывала и оплачивала тоже я. Я покупала ему красивые рубашки – которые он, правда, никогда не носил, – я бегала по магазинам, я набивала холодильник, я делала все по дому. Но самое главное – если уж дала обещание, так надо его выполнить; особенно когда даешь его себе самой.

Первую странность я заметила, когда одевалась. У меня отчего-то исчезли волосы на лобке. Все до единого. Причем вовсе не так, как если бы я их сбрила или сделала эпиляцию воском; нет, такое ощущение, будто их удалили вместе с луковицами, словно их там никогда и не было. Я настолько испугалась, что тут же принялась ощупывать голову – вдруг и там волосы начнут выпадать прямо прядями? Но волосы на голове были по-прежнему густыми, тяжелыми и даже немного скользкими на ощупь. Может, это какая-то аллергия? Или кожное заболевание? В общем, я довольно сильно встревожилась, но времени, чтобы сразу что-то предпринять, у меня не было, и я, подавив тревогу, решила, что в ближайшую неделю обязательно схожу к дерматологу. А сейчас пора было выезжать, чтобы успеть вовремя.

Вполне возможно, кому-то даже нравятся виды, открывающиеся с хайвея, но меня лично здорово раздражало бесконечное множество разнообразных съездов, переездов, ответвлений, параллельных дорог и предостерегающих и указующих знаков. Казалось, будто тебя за рулем газету читать заставляют. Впереди то и дело вспыхивали янтарные или красные сигнальные огни, а навстречу тянулся поток серебристых и золотистых огней. Я, собственно, с самого начала заняла крайний правый ряд, а потом еще сбросила скорость, поскольку по предыдущим поездкам знала, что поворот на Норристаун можно запросто пропустить, а сама тюрьма никаких особых отличительных признаков не имеет, так что за милю до поворота на эстакаду ее и не разглядишь. По-моему, здешним властям просто не хочется, чтобы туристы знали, что один из мелиорированных районов калифорнийской пустыни знаменит своими тюрьмами для жен-

щин-преступниц. Например, женским коррекционным центром «Декагон», расположенным рядом с Норристауном, которым владеет частная компания. Кстати, на эту тюрьму местные жители просто молятся, так много рабочих мест она предлагает: обслуживание посетителей, охрана, работа в церкви, в кафе, в больнице и – самое главное – постоянное строительство и ремонт. Здесь без конца ремонтируются, например, дороги и тюремные ограды, а к основному зданию пристраиваются одно новое крыло за другим, поскольку для возрастающего потока грешниц, в том числе и совершивших кровавые преступления, требуется все больше места. К счастью, нашему государству даже самые тяжкие преступления в итоге приносят доход, и немалый.

Я и раньше пару раз ездила в «Декагон», но внутрь, разумеется, никогда и ни под каким предлогом не пыталась проникнуть. Мне просто хотелось посмотреть, где именно содержится «та женщина-монстр», как ее называли, получившая «от двадцати-пяти-до-пожизненного». Но на этот раз все было иначе. Отсидев пятнадцать лет, София Хаксли получила условно-досрочное освобождение, а значит – если можно верить сайту, где публикуются криминальные новости, – должна была вот-вот выйти на свободу и с высоко поднятой головой прошествовать за ворота тюрьмы, в которой оказалась благодаря мне.

Можно было бы, наверное, предположить, что раз «Декагон» содержится на деньги богатой корпорации, то на тамошней стоянке мой «Ягуар» выделяться не будет. Однако рядом со старыми бокастыми автобусами, не менее старыми «Тойотами» и обшарпанными грузовиками мой гладкий, буквально блестящий автомобиль элегантного мышиного цвета с пижонским номерным знаком выглядел, точно заряженное ружье. Он, впрочем, производил все же не столь зловещее впечатление, как белые лимузины, которые я видела в предыдущий приезд сюда; припаркованные чуть в сторонке, они похрапывали включенными двигателями, а их наглые водители, прислонившись к сверкающему капоту или крылу, беззастенчиво пялили на меня глаза. Вот объясните мне, кому может понадобиться такой лимузин и такой шофер, готовый в любую минуту распахнуть перед тобой дверцу и умчаться в неведомую даль? Может, великосветской даме, только и мечтающей поскорее вернуться в постель с нежнейшим дизайнерским бельем и в безупречный особняк, более всего похожий на крутой бордель? Или, может, малолетней шлюшке, которой не терпится вновь оказаться в патио роскошного частного клуба из числа вырождающихся и, наконец, отпраздновать свой выход на волю в кругу друзей, в знак чего она с удовольствием сорвет с себя и превратит в клочья проклятое белье с тюремной меткой? Такой особе продукция фирмы «Сильвия Инкорпорейтед», разумеется, не нужна. Наша косметика хоть и достаточно сексуальна, но недостаточно дорога. Как и все пустоголовые девицы, вращающиеся в мире сексуальных услуг, наша маленькая шлюшка наверняка считает, что чем выше цена, тем лучше качество. Знала бы она правду! А впрочем, и она может иной раз купить что-то от «YOU, GIRL!»; скажем, искрящиеся тени для век или блеск для губ с золотистыми блестками.

Сегодня, правда, никаких белых лимузинов на стоянке не было, только один городской «Линкольн». В основном там торчали потрепанные «Тойоты» и допотопные «Шевроле», а вокруг них группками стояли молчаливые взрослые и мельтешили нервные, какие-то издерганные дети. На автобусной остановке сидел старик и потрошил коробку из-под овсяного печенья, надеясь обнаружить там последние сладкие крошки. На нем были старые остроносые туфли и абсолютно новые, прямо-таки хрустящие, джинсы; а бейсболка, коричневая куртка и белая рубашка под нею почти кричали, что он раздобыл их на складе Армии Спасения. Впрочем, держался старец достойно, даже величественно. В нем, пожалуй, чувствовалось нечто божественное. Положив ногу на ногу, он с таким видом изучал горсть сухих крошек, словно это был отборный виноград, только что сорванный прислужниками и с поклонами принесенный прямо к его царскому трону.

Часы показывали четыре – ждать оставалось недолго. Хаксли София, то есть № 0071140, никак не могла, разумеется, быть выпущена на свободу в часы посещений. Ровно в четыре тридцать со стоянки отъехал городской «Линкольн», хозяином которого оказался, по всей видимости, адвокат с дорогим кейсом из крокодиловой кожи, явно полным документов, денег и сигарет. Сигареты для клиента, деньги для подкупа свидетелей, а документы, чтобы создавать видимость работы.

«Ты хорошо себя чувствуешь, Лула Энн? – Голос женщины-прокурора звучал мягко, ободряюще, но я с трудом ее расслышала. – Тебе совершенно нечего бояться. Ничего плохого она сделать не сможет».

Это уж точно. Черт побери, а вот, кажется, и она сама. София Хаксли. То есть № 0071140. Даже теперь, по прошествии пятнадцати лет, я ее сразу же узнала благодаря необычайно высокому росту, футов шесть по крайней мере. Ни годы, ни тюрьма не заставили эту великаншу, которую я так хорошо помнила, хоть немного съежиться; она и тогда, в суде, была выше ростом и судебного пристава, и судьи, и всех адвокатов; даже охранявший ее могучий полицейский оказался лишь чуточку выше. По росту ей подходил только муж – такой же монстр, как и она сама. Никто тогда не сомневался, что именно она и есть та «мерзкая извращенка» – так, трясясь от гнева, называли ее родители учеников. «Вы только посмотрите, какие у нее глаза, – перешептывались они, и этот шепот слышался и в зале суда, и в дамской комнате, и на длинных скамьях, поставленных в коридоре. – Холодные, как у змеи!» «А ведь ей всего двадцать! Неужели двадцатилетняя женщина способна творить такое с детьми?» «А что вы удивляетесь? Вы лучше в глаза ей посмотрите. Да у нее душа грязнее грязи!» «Моему мальчику вовек от этого не оправиться!» «Дьяволица!» «Сука!»

Теперь, правда, глаза Софии Хаксли скорее напоминали глаза кролика, чем змеи, а вот рост остался прежним. Зато во всех прочих отношениях она совершенно переменилась. Жутко худая, просто кожа да кости. Штаны на ней пришлись бы впору самому тощему мальчишке; размер бюстгалтера – нулевой, если он ей вообще был нужен. И ей, безусловно, очень пригодился бы наш замечательный крем «GlamGlo» для разглаживания морщин, а также крем-пудра «сочная бронза»; она придала бы более приятный оттенок этой мертвенно-бледной, какой-то синеватой коже.

Вылезая из «Ягуара», я даже не надеялась, что она меня узнает – да мне, в общем-то, было все равно. А потому я просто подошла к ней и спросила:

– Подвезти?

Она бросила на меня мимолетный, абсолютно равнодушный взгляд и быстро отвернулась, по-прежнему глядя на дорогу, но все же ответила:

– Нет. Не нужно.

Я заметила, что губы у нее слегка дрожат. А ведь когда-то они казались такими твердыми и были даже чем-то похожи на опасную бритву, способную в один миг разрезать ребенка на куски. Немножко ботокса, капелька матового «Танго» (но только не блеск для губ!) – вот что могло бы несколько смягчить очертания этих губ и, возможно, оказать положительное воздействие на судей. Вот только в те времена у меня еще не было собственной косметической линии «YOU, GIRL!».

– Значит, вас кто-то другой подвезет? – улынулась я.

– Да, такси, – сказала она.

Смешно, что она так старательно отвечала мне, незнакомке. Словно обязана была. Словно привыкла к тому, что нужно непременно отвечать на любой заданный вопрос. И никаких «А тебе какое дело?», «Да кто ты, черт побери, такая?». Мало того, она еще и пояснила:

– Я заранее такси заказала. То есть, конечно, не я, а тюремное начальство.

Я все же решила предпринять еще одну попытку и уже протянула руку, собираясь коснуться ее плеча, но тут как раз подкатило такси; она так и ринулась к нему. Распахнула дверцу,

швырнула на сиденье сумку с барахлом, нырнула внутрь и захлопнула за собой. Я успела лишь крикнуть: «Погодите!» – и в окно постучала, но было поздно. Таксист рванул с места и со скоростью космической ракеты исчез за поворотом.

Я бросилась к «Ягуару». Нагнать их оказалось нетрудно. Я даже немного вырвалась вперед, чтобы София Хаксли не подумала, что я ее преследую и поэтому вишу у них на хвосте. Увы, это был неверный ход. Когда я, свернув, уже выезжала на хайвей, такси стрелой пролетело мимо меня и понеслось в сторону Норристауна. Я так тормознула, что из-под колес со свистом полетел гравий, потом дала задний ход и помчалась за ними. Вдоль неширокого шоссе, ведущего в Норристаун, аккуратными рядами стояли совершенно одинаковые небольшие домики, построенные еще в пятидесятые годы и с тех пор непрерывно надстраивавшиеся – то понадобится закрытая веранда у боковой стены; то гараж побольше, на две машины; то патио за домом. Пейзаж напоминал рисунок детсадовского малыша – одинаковые зеленые лужайки, а в центре каждой самодовольного вида домик. Постройки были светло-голубые, белые или желтые с зелеными, как сосновая хвоя, или красными, как свекла, дверями. На «рисунке» не хватало только желтого, как румяная оладья, солнышка с лучами-палочками. За домиками возле молла, бледного и унылого, как безалкогольное пиво, я увидела указатель, сообщавший, что именно отсюда и начинается город. Рядом с указателем виднелся большой рекламный щит, оповещавший проезжих, что здесь имеются мотель и ресторан «Эва Дин». Именно туда и свернуло такси, остановившись у входа в мотель. София Хаксли вышла и расплатилась с водителем. А я, стараясь, чтобы она меня не заметила, проехала чуть дальше, к ресторану. На парковке стояла только одна машина – черный внедорожник. Я была уверена, что у Софии с кем-то назначена встреча, однако она, проведя всего несколько минут у стойки регистратора, направилась напрямик в ресторан и села у окна. Я отлично ее видела; она внимательно изучала меню, шевеля губами и водя пальцем по строчкам с названиями кушаний, точно студент, изучающий английский язык в качестве второго иностранного. Господи, как же она переменилась! Неужели это та самая учительница, которая весело уговаривала детишек в детском саду делить яблоко на кружочки, чтобы получилась буква «о», и раздавала каждому по хрустящему соленому крендельку, похожему на букву «b», а потом разрезала арбуз такими остроконечными ломтиками, чтобы, когда съешь мякоть, получилась буква «у». И все только для того, чтобы мы сложили слово «буу» – самое свое любимое, если верить тому, о чем шептались женщины у раковин в дамской комнате. Фрукты и лакомства, якобы используемые в качестве наживки, в итоге превратились в неопровержимые доказательства ее вины и фигурировали на судебном процессе.

А как она ела! Официантка просто не успевала подносить самые разнообразные кушанья. Ну, это-то как раз можно было понять – все-таки первая настоящая трапеза после выхода из тюрьмы. Она заглатывала пищу, как изголодавшийся беженец, как человек, которого много недель носило в шлюпке по морю без еды и воды и который уже подумывал, что неплохо было бы попробовать, каково на вкус мясо его умирающего товарища, пока там еще хоть что-то на костях осталось. Она даже глаз ни разу не подняла; смотрела только в тарелку с едой, кромсала пищу ножом, пронзала ее вилкой, подбирала кусочками хлеба соус и бдительно следила за тем, чтобы на многочисленных блюдах и тарелках не осталось ни капли. Воды София не пила, хлеб маслом не мазала, словно боялась, что эти действия могут как-то замедлить скоростное поглощение пищи. Минут через десять-двенадцать, покончив с невероятным обедом, она расплатилась, вышла из ресторана и вдруг куда-то устремилась по боковой дорожке. Я просто не знала, что теперь делать. Я, правда, заметила, что в руке она держит ключ от номера, а на плече у нее по-прежнему висит дорожная сумка. Ушла она, впрочем, недалеко и неожиданно нырнула в какой-то узкий проход между двумя оштукатуренными стенами. Я тут же выскочила из машины и почти бегом бросилась за ней, но, услышав звуки рвоты, поспешно отступила и пряталась за черным внедорожником, пока София из той щели не вышла.

На двери, которую она отперла ключом, было краской написано 3-А. Я собралась с духом, подошла и постучалась, стараясь, чтобы стук звучал уверенно и достаточно громко, но не угрожающе.

– Да? – откликнулась она слегка дрожащим, смиренным голосом человека, приученного автоматически подчиняться.

– Миссис Хаксли, откройте, пожалуйста.

Последовало непродолжительное молчание, затем она робко пролепетала:

– Я... э-э-э... знаете, мне что-то нехорошо...

– Я знаю, – сказала я, специально добавив легкую нотку осуждения: пусть думает, что ей сделают выговор из-за лужи блевотины, которую она оставила на тротуаре. – Откройте дверь.

Дверь София открыла. И стояла передо мной босиком, с полотенцем в руках. Затем вытерла им рот и спросила:

– Да? Что вы хотели?

– Нам нужно поговорить.

– Поговорить? – Она удивленно захлопала глазами, но самого главного вопроса – «Кто вы такая?» – так и не задала.

Выставив перед собой в качестве тарана сумку от Louis Vuitton, я протолкнулась мимо нее в комнату.

– Вы ведь София Хаксли, верно?

Она кивнула, и я заметила в ее глазах почти неуловимый страх. Я, черная как ночь, была одета во все белое, и она, наверное, решила, что это здешняя форма, а я – представитель начальства. Мне захотелось ее успокоить, и я, указав на сумку, сказала:

– Не волнуйтесь. Давайте лучше присядем. Я тут кое-что вам принесла. – Но София даже не посмотрела ни на сумку, ни на меня; она глаз не сводила с моих туфель на высоченных, прямо-таки смертоносного вида шпильках с опасно заостренными носками.

– Что вам от меня нужно? – спросила она. – Я что-то должна сделать?

Такой покорный тон на все согласного человека, твердо знающего – еще бы, после пятнадцати-то лет, проведенных за решеткой! – что ничто на свете не дается бесплатно. Никто никогда ничего тебе просто так не отдаст. Что бы это ни было – сигареты, журнал, прокладки, марки, батончики «Марс» или банка арахисового масла, – за все непременно потребуют плату, которая свяжет тебя незаметной, но прочной, как леска, паутиной долга.

– Мне ничего не нужно. И я вовсе не хочу, чтобы вы что-то для меня делали.

Она наконец оторвала взгляд от моих хищных туфель и посмотрела мне прямо в лицо, но в ее темных глазах не промелькнуло ни единой искорки любопытства. Так что я сама поспешила ответить на так и не заданный ею вопрос, который у любого нормального человека давно уже сорвался бы с языка:

– Просто я видела, как вы вышли из «Декагона». Но вас никто не встречал, вот я и предложила подвезти...

– Так это были вы? – Она нахмурилась.

– Да, я.

– Я вас знаю?

– Меня зовут Брайд.

Она прищурилась.

– И что? Вы полагаете, мне это о чем-то говорит?

– Боюсь, что нет, – улыбнулась я. – Посмотрите лучше, что я вам привезла. – Мне хотелось поскорее вручить принесенные подарки, и я просто не могла больше противиться этому желанию. Я поставила сумку на кровать и вытащила из нее упаковку косметики «YOU, GIRL!», а сверху положила два конверта – сперва тонкий с подарочным сертификатом на самолет, а

потом толстый с пятью тысячами долларов. Примерно по двести долларов за каждый год назначенного ей срока, если бы она его полностью отсидела.

София Хаксли смотрела на выложенные на кровать подарки так, словно эти предметы таили в себе смертоносную заразу.

– К чему все это?

«Может, она еще и умом в тюрьме тронулась?» – с некоторым раздражением подумала я и сказала:

– Да вы не волнуйтесь. Я просто хотела немного помочь.

– Помочь мне? Но в чем?

– В том, чтобы у вас был неплохой старт. Ну, в вашей новой жизни, понимаете?

– В моей новой жизни? – Что-то явно пошло не так. Казалось, ей требуется пояснение к слову «жизнь».

– Ну да. – Я все еще улыбалась. – В вашей новой жизни.

– Но почему вы?... Кто вас послал? – Теперь она выглядела скорее заинтересованной, чем испуганной.

– Вы меня, наверно, не помните. – Я пожала плечами. – Да и с чего бы вам меня помнить? Я Лула Энн. Лула Энн Брайдуэлл. Помните в суде? Я была среди тех детей, которые...

Захлебываясь собственной кровью, я осторожно ощупала языком зубы. Вроде бы все на месте. А вот встать я, похоже, была не в состоянии. Я чувствовала, что левое веко совершенно распухло, а правая рука омертвела. Затем дверь над головой на мгновение распахнулась, и все мои подарки по очереди полетели мне в лицо; последней была сумка от Louis Vuitton. Дверь с грохотом захлопнулась, тут же снова распахнулась, и черная туфля с высоченной острой шпилькой, больно ударив меня в спину, упала рядом со мной на землю. Я невольно потянулась за ней левой рукой и с облегчением поняла, что хотя бы эта рука нормально функционирует в отличие от бесчувственной правой. Я попыталась крикнуть: «Помогите!», но губы и язык слушаться не желали; казалось, они вообще принадлежат не мне, а кому-то другому. Я отползла от двери на пару шагов и попыталась встать. Оказалось, что ноги тоже более-менее работают; собрав подарки, я запихнула их в сумку и в одной туфле, так и оставив вторую на земле, захромала к машине. Я ничего не чувствовала. И в голове у меня не было ни одной мысли, пока я не увидела свою физиономию в боковом зеркале автомобиля. Рот выглядел так, словно его набили кусками сырой печенки и они оттуда вываливаются; с одной щеки практически целиком содрана кожа; правый глаз скрыт опухолью, более всего похожей на гриб. Мне хотелось одного: поскорее отсюда убраться. И, разумеется, никаких звонков по 911; во-первых, это заняло бы слишком много времени, а во-вторых, сюда непременно явился бы какой-нибудь невежественный служащий мотеля и начал пялить на меня глаза. Нет уж, я лучше поеду в полицию. Ведь должна же быть в этом городишке полиция.левой рукой мне, хотя и с некоторым трудом, удалось все же вставить ключ в замок зажигания; я завела машину и осторожно тронулась с места, удерживая руль все той же левой рукой, поскольку правая лежала рядом со мной на сиденье, как мертвая. Любое, даже мельчайшее действие требовало от меня предельной концентрации. Так что я, лишь добравшись до центра Норристауна и увидев знак и стрелку, указывающую на полицейский участок, сообразила: а ведь копы-то станут писать отчет, начнут задавать вопросы мне и той, которую, естественно, обвинят в нанесении тяжких телесных повреждений, а потом еще начнут фотографировать мое изуродованное лицо... А что, если моя фотография и вся эта история появятся в местной газете? То, что мне самой будет неловко, – это сушие пустяки по сравнению с теми шутками и издевательствами, кото-



рые обрушатся на «YOU, GIRL!», которую, разумеется, тут же превратят в неодобрительное «BOO, GIRL!»<sup>5</sup>.

Теперь мучительная боль не стихала во всем теле, и мне с огромным трудом удалось вытащить мобильник и набрать номер Бруклин, единственного человека на свете, которому я могла доверять. Полностью доверять.

---

<sup>5</sup> То есть вместо «Эй, девушка!» будет «Ф-фуу, девушка!».

## Бруклин

Да врет она все. Мы черт знает сколько просидели в вонючей больничке Норристауна, а перед этим я еще часа два гоняла на автомобиле по всей округе, пока не отыскала в этом убогом городишке ее «Ягуар», припаркованный на задах наглухо запертого полицейского участка. Естественно, он был закрыт; в воскресенье открыты только церкви да торговые променады. Брайд, когда я ее, наконец, нашла, была в истерике, вся окровавленная, зареванная – причем слезы у нее лились только из одного глаза, второй слишком сильно распух и влагу не пропускал. Вот ведь бедолага. Кто же это ей так глаз расквасил? У нее просто потрясающие глаза, хотя их необычность даже пугает – огромные, чуть раскосые, с тяжелыми веками и непроницаемо черные, что несколько странно, если учесть, какая темная у нее кожа. Я всегда говорила, что у нее глаза инопланетянки, но парни-то, разумеется, находят их классными.

В общем, когда я отыскала эту крошечную дежурную больничку – она фасадом выходила прямо на паркинг тамошнего молла, – Брайд самостоятельно идти не могла, и мне пришлось изо всех сил ее поддерживать и подталкивать. К тому же она ошутимо прихрамывала, поскольку была почему-то только в одной туфле. В конце концов нам все-таки удалось привлечь к себе внимание медсестры, и она прямо-таки глаза выпучила, увидев нашу парочку: еще бы, белая девица с белокурыми дредами и черная, как ночь, окровавленная особа с роскошными шелковистыми волосами. Потом мы целую вечность заполняли всякие бумажки, что-то там подписывали и предъявляли страховые свидетельства. Затем оказалось, что нужно ждать дежурного врача, который живет черт знает где, в каком-то другом вшивом городишке. Пока мы сюда ехали, Брайд ни слова не сказала, но потом, пока мы сидели и ждали врача, вдруг заговорила и сразу же начала врать.

– Мне конец, – прошептала она.

– Ничего подобного, – сказала я. – Это все заживет, хотя, естественно, потребуется какое-то время. Помнишь, как выглядела Грейс после круговой подтяжки?

– Так ей лицо хирург делал, – возразила она, – а меня маньяк изуродовал!

Я решила немного ее подтолкнуть:

– Давай-ка, расскажи все, Брайд. Все, что с тобой случилось. Кто он такой?

– «Он»? – И она, дыша ртом, осторожно коснулась сломанного носа.

– Ну да, тот тип, который тебя до полусмерти избил.

Она закашлялась, и я сунула ей бумажный носовой платок.

– Разве я говорила, что это был мужчина? Что-то не помню.

– А что, женщина? Неужели ты хочешь сказать, что это женщина сделала?

– Нет. – Она тут же пошла на попятный. – Нет. Мужчина.

– Он что, тебя изнасиловать пытался?

– Наверное. По-моему, его просто кто-то спугнул. Он меня избил, а потом вдруг сбежал.

Понимаете теперь, почему я заявила, что она врет? Впрочем, Брайд и соврать-то как следует не сумела. И я решила еще чуточку на нее надавить:

– Он у тебя ничего не отнял? Кошелек, сумочку?

Она не ответила. Потом с трудом пробормотала:

– Мне кажется, это был какой-то бойскаут. – Она даже попыталась улыбнуться собственной глупой шутке, хотя губы у нее жутко распухли, да и язык с трудом во рту поворачивался.

– Почему же тот, кто его спугнул – кто бы он ни был, – тебе не помог?

– Ну откуда мне знать! Не знаю я! Не знаю! – сердито выкрикнула она и сорвалась в притворные рыдания, так что я решила временно прекратить допрос.

Ее единственный зрячий глаз открывался с трудом, и каждое слово причиняло боль распухшим губам и языку. Минут пять я молчала, перелистывая страницы «Ридерз дайджест»,

затем предприняла новую попытку что-то выяснить, стараясь говорить как можно уверенней и спокойней. Я решила даже не спрашивать у нее, почему она позвонила мне, а не своему любовнику.

– Слушай, а что ты, собственно, тут делала?

– Я приехала повидаться с одним человеком. – И она вдруг так согнулась, словно у нее живот заболел.

– В Норристаун? Твой приятель живет в этом городе?

– Нет. Рядом.

– И ты его нашла?

– Ее. Нет. Я ее так и не нашла.

– Кто она?

– Некто из далекого прошлого. Ее просто там не оказалось. Возможно, она уже давно умерла.

Брайд прекрасно понимала: я догадалась, что она лжет. Почему, собственно, этот якобы насильник не забрал ее деньги? Нет, у нее явно мозги набекрень, иначе она и пытаться бы не стала впарить мне такое беспардонное вранье. Впрочем, ей, похоже, было абсолютно наплевать, что именно я об этом подумаю. Когда я запиховала ее перепачканную кровью одежонку, белую юбку и топик, в сумку-шоппер, то обнаружила там целую пачку денег – пятьдесят сто-долларовых купюр, перетянутых резинкой, – а также подарочный сертификат на самолет и коробку с новейшими образцами косметики от «YOU, GIRL!», которые еще даже в продажу не поступили. Неплохо, да? Вряд ли кто-то из потенциальных насильников заинтересовался бы кремом «Nude Skin Glo», а вот от такой суммы наличными никто бы точно не умер. Ладно, решила я, пока оставим эту тему; пусть Брайд сперва врач осмотрит.

А когда уже после всего она вытребовала у меня пудреницу и посмотрелась в зеркальце, мне сразу стало ясно: она в полном ужасе. Еще бы! Более-менее сносно выглядела у нее примерно четверть лица, а все остальное покрывали какие-то ямы, края которых были стянуты безобразными черными стежками; на месте поврежденного глаза отвратительная опухоль; голова вся в бинтах; губы распухли, как у африканки с берегов Убанги; язык во рту не ворочался – она даже звук «р» в слове «рана» произнести не могла, хотя все ее лицо именно так и выглядело: точно сплошная рана, сочащаяся чем-то розовым и окруженная сине-черными кровоподтеками. Хуже всего обстояло дело с носом – ноздри расширены, как у орангутанга под газом, и каждая размером с половинку ролла. А ее неповрежденный глаз, некогда поистине прекрасный, был налит кровью и словно застыл от ужаса, отчего казался каким-то мертвым.

Мне, конечно, не следовало бы так думать, но карьеру Брайд в «Сильвия Инкорпорейтед», скорее всего, ожидает полный крах. Разве можно убедить покупательниц в благотворном воздействии на внешность продукции «YOU, GIRL!», если той, кто эту косметику предлагает, она помочь не сумела? Да нигде в мире не нашлось бы таких косметических средств, с помощью которых удалось бы скрыть и сломанный нос, и жуткие шрамы вокруг глаз и на щеках, где кожа была содрана чуть ли не до кости! И пусть со временем эти уродства станут менее заметными, Брайд все равно не обойтись без вмешательства пластического хирурга, а это означает долгие месяцы бездействия и необходимости постоянно прятать лицо под темными очками и широкополыми шляпами. Возможно, в таком случае принять у нее дела попросят именно меня. Временно, конечно.

– Я не могу есть! Не могу говорить! Не могу думать!

В голосе Брайд звенели слезы; она вся дрожала.

Я обняла ее и шепнула:

– Эй, подруга, кончай себя жалеть! Давай-ка лучше уберемся поскорей из этой дыры. Здесь даже туалета нормального нет, а у дежурной медсестры со вчерашнего дня в зубах латук

застрял, и я сильно сомневаюсь, что она хоть раз мыла руки, завершив свое образование на заочных курсах медицинских работников.

Брайд перестала трястись, поправила перевязь, в которую была уложена ее правая, сло-  
манная, рука, и спросила:

– Как ты думаешь, врач нормально руку вправил?

– Кто его знает? – пожала плечами я. – Разве можно быть в чем-то уверенной в этой  
больничке для дальнобойщиков? Ничего, сейчас я отвезу тебя в нормальную больницу – в  
отдельную палату с туалетом и умывальником.

– И ты думаешь, они меня отпустят? – Господи, ну как будто ей лет десять!

– Ох, перестань, пожалуйста! Сейчас мы встаем, выходим отсюда и уезжаем. Немедленно.  
Кстати взгляни, что я купила, пока тебя латали. Целую кучу всяких вкусностей, да еще гавай-  
ские шлёпки. Здесь хоть и нет приличной больницы, зато магазины Wal-Mart<sup>6</sup> очень даже  
ничего. Ну, давай. Вставай. Обопрись о мое плечо. Куда, интересно, эта Флоренс Найтингейл<sup>7</sup>  
твои вещи засунула? Ничего, по дороге купим мороженое на палочке или молочный коктейль  
– такое лекарство, по-моему, гораздо больше поможет. Еще можно томатный сок или куриный  
бульон взять.

Я суежилась, собирая ее шмотки и лекарства, а она сидела, застыв и вцепившись в полы  
безобразного больничного халата в цветочек.

– Ох, Брайд! – Я посмотрела на нее, и голос мой неожиданно дрогнул. – Ну что ты так  
скукожилась? Все будет хорошо.

Мне пришлось ехать очень медленно, потому что каждая кочка или даже остановка перед  
светофором отдавались в теле Брайд такой болью, что она не могла сдержать стон. Я, всячески  
стараясь отвлечь ее от этой боли, продолжала болтать:

– А я и не знала, что тебе уже двадцать три. Уверена была, что мы с тобой ровесницы и  
нам обоим по двадцати одному году. Я случайно узнала, заглянув в твои водительские права.  
Пришлось, знаешь ли, в вещах покопаться, пока я твое страховое свидетельство нашла. – Брайд  
молчала, но я не оставляла попыток хоть немного ее приободрить, заставить улыбнуться. –  
Между прочим, здоровый глаз по-прежнему выглядит максимум на двадцать!

Но и это никакой реакции не вызвало. Вот черт! Я с тем же успехом могла и с самой  
собой разговаривать. Ну ладно, решила я, отвезу ее домой, все там устрою, а потом и на работе  
обо всем позабочусь. На больничном Брайд наверняка проторчит достаточно долго, так что  
в любом случае кто-то должен будет взять на себя ее обязанности. И как знать, чем все это  
может обернуться.

---

<sup>6</sup> Американская компания, управляющая крупнейшей в мире розничной сетью.

<sup>7</sup> Английская медсестра (1820–1910); организатор и руководитель отряда санитарок во время Крымской войны 1853–  
1856 гг.; создательница системы подготовки кадров среднего и младшего медперсонала в Великобритании.

## Брайд

Она действительно оказалась извращенкой, эта София Хаксли. А ведь выглядела такой покорной, даже кроткой, и вдруг, буквально в один миг, превратилась из бывшей осужденной в разъяренного аллигатора. Из унылой мямли в клыкастого монстра. Из прокисшего киселя в молот. И ни малейших признаков надвигавшейся перемены я заметить не успела – ни прищуренных глаз, ни вздувшихся жил на шее, ни напрягшихся плеч, ни вставшей на загривке шерсти, ни злобного оскала, демонстрирующего обнаженные клыки. Короче, ничто ее нападения не предвещало. Но мне этот кошмар никогда не забыть; да если б даже я и попыталась, так мои шрамы, не говоря уж о стыде, мне не позволят.

От воспоминаний излечиться труднее всего. Тем более никаких срочных дел у меня не было, и я целыми днями валялась то на кровати, то на диване. Все объяснения Бруклин взяла на себя; в офисе она рассказала, что меня пытались изнасиловать, нанесли тяжкие телесные повреждения, ну и так далее – бла-бла-бла. Бруклин – настоящий друг; вот кто совершенно не раздражает в отличие от прочих так называемых друзей и подружек, которые навещают меня только для того, чтобы посмотреть, во что я превратилась, и притворно пожалеть. Телевизор я смотреть не могу – осточертело: сплошная кровь, реклама помады и шлюхи, демонстрирующие ляжки по самое не могу. А новостные программы? Это либо набор сплетен, либо лживые нравоучения. А криминальные шоу? Как можно воспринимать их всерьез, если там убийц отслеживают женщины-детективы в страшно неудобных туфлях «Lauboutin» на высоченных шпильках? Я даже читать не могу – от любого печатного текста начинает рябить в глазах и кружится голова. И слушать музыку мне по какой-то неведомой причине больше не нравится. Вокалисты – причем любые, как прекрасные, так и посредственные, – вгоняют меня в депрессию, а от инструментальных произведений и вовсе тоска начинается. И во рту что-то нехорошее происходит: такое ощущение, словно на языке напрочь исчезли все вкусовые рецепторы. Теперь у любой еды вкус лимона, зато у самих лимонов вкус соли! А вино пить вообще не имеет смысла – вкуса я все равно не чувствую, а от транквилизаторов, которые я принимаю, туман в голове гораздо приятней и уютней.

И ведь эта сука даже выслушать меня не захотела! Хотя в суде я была отнюдь не единственной свидетельницей, показания которой и превратили Софию Хаксли в заключенную № 0071140. Тогда многие выступили с рассказами о ее домогательствах. Я точно знаю, что показания давали, по крайней мере, четверо. Сама я, разумеется, их выступлений не слышала, но все дети дрожали и плакали, выходя из зала суда. К нам тогда даже специально приставили социального работника и психолога; они обнимали плачущих детей и шепотом уверяли их: «Все будет хорошо. Ты отлично выступил». Меня, правда, никто не обнимал, но и соцработник, и психолог ласково мне улыбались. Похоже, никаких родственников у Софии Хаксли не имеется. Впрочем, муж-то у нее точно был, только он по-прежнему сидит, причем в другой тюрьме, и условно-досрочное ему дать отказались, хоть он и предпринял целых семь попыток. Во всяком случае, тогда возле тюрьмы ее никто не встречал. Никто. Так почему же она мою-то помощь принять не захотела? Неужели лучше пойти работать за гроши какой-нибудь касиршей или уборщицей? Хорошо еще, если ей и такую работу предложат. А когда у тебя есть деньги, то даже после УДО вовсе ни к чему мыть туалеты в универмаге «Венди».

Мне тогда было всего восемь лет, и меня еще называли Лула Энн. И в зале суда я, подняв ручонку, указала пальцем прямо на Софию Хаксли.

– Находится ли в данном помещении та особа, которую ты видела? – спросила женщина-адвокат. От нее прямо-таки несло табаком.

Я кивнула.

– Скажи это вслух, Лула. Отвечай: «да» или «нет».

– Да.

– Ты можешь показать нам, где она сидит?

Но я молчала. Я очень боялась перевернуть бумажный стаканчик с водой, который дала мне женщина-адвокат.

– Не волнуйся, – успокоила женщина-обвинитель, – и не торопись.

И я торопиться не стала. Так и стояла с судорожно стиснутыми кулаками, пока не успокоилась. И тогда мои кулаки разжались сами собой, пальцы выпрямились, и я ткнула указательным пальцем прямо в нее. Раз! Точно из пистолета выстрелила. Миссис Хаксли так и уставилась на меня. Она открыла рот, словно собираясь что-то сказать, да так и не сказала; вид у нее был потрясенный, словно она никак не может в это поверить. Но я все продолжала указывать на нее пальцем, так что женщина-обвинитель даже тронула меня за плечо и произнесла: «Спасибо, Лула. Достаточно», и только тогда я все-таки опустила руку. А потом я мельком глянула в сторону Свитнес и увидела, что она улыбается. Я такой улыбки у нее никогда прежде не видела – она улыбалась мне и губами, и глазами! Мало того, когда я вышла из зала суда, мне улыбались все матери, а две по-настоящему меня обняли и поцеловали! И все отцы показывали мне большой палец. Но дороже всего для меня была улыбка Свитнес. А когда мы с ней спускались с крыльца, она даже за руку меня взяла. За руку! Она никогда раньше этого не делала, так что я удивилась не меньше, чем обрадовалась, я ведь всегда знала, что ей неприятно ко мне прикасаться. Да, это я знала точно. Я это чувствовала еще совсем маленькой, когда ей приходилось меня купать; и каждый раз отвращение было написано у нее на лице. Потрет меня вполсилы намыленной махровой салфеткой и спешит сполоснуть чистой водой, чтобы поскорее со всем этим покончить. И я часто молилась про себя: пусть она даже пощечину мне даст или отшлепает, лишь бы снова почувствовать ее прикосновение. Я нарочно совершала разные промахи и ошибки, но у Свитнес хватало способов, чтобы наказать меня, не прикасаясь к моей черной коже, которую она ненавидела. Она могла, например, уложить меня спать без ужина или надолго запереть в комнате; но хуже всего было, когда она на меня кричала. Когда правит страх, чтобы выжить, остается только подчиниться. Быть послушной. А это я умела очень хорошо. Я всегда вела себя очень, очень хорошо, просто прекрасно. И хотя я боялась идти в суд, я все-таки сделала то, чего учителя, эти великие психологи, от меня ожидали. И я точно знаю, что сделала все на отлично, потому что после процесса Свитнес стала невероятно доброй, почти как настоящая мать.

Не знаю. Возможно, я куда больше злилась на себя, чем на миссис Хаксли. Но я словно вновь превратилась в маленькую Лулу Энн, которая никогда и никому не давала сдачи. Никогда и никому. Именно поэтому, рухнув после первого же ее удара на пол, я просто лежала и не оказывала ни малейшего сопротивления, пока она душу из меня выколачивала. Я бы, наверное, так молча и умерла на полу того жалкого номера, если бы лицо Софии Хаксли не побагровело от усталости. Я не издала ни звука, я даже рукой не пыталась заслониться от ударов, а она, моя мучительница, лупила меня по лицу чем попало, била ногами по ребрам и буквально вдребезги разнесла мне челюсть своим тяжелым кулаком, а потом стала бодать собственным лбом. Я слышала ее тяжелое дыхание, когда она с трудом волокла меня по полу, а потом вышвырнула за дверь. Стоит мне сейчас об этом вспомнить, и я вновь чувствую, как больно ее жесткие пальцы вцепляются мне в волосы на затылке; как она носком туфли поддает мне по копчику; как страшно хрустят мои кости – локоть, челюсть, – когда она бросает меня на бетонную дорожку; как скользят в крови мои руки, когда я тщетно пытаюсь приподняться; как мой распухший язык шарит в окровавленном рту, пытаюсь определить, все ли зубы на месте. Вышвырнув меня, она сперва с грохотом захлопнула дверь, но потом снова ее отворила и запустила в меня моей туфлей, а я, точно набедокудивший и выпоротый щенок, все старалась отползти подальше и боялась даже захныкать.

Возможно, он прав. Я – не та женщина. Когда он ушел, я просто стряхнула с себя все эти воспоминания и притворилась, будто мне все равно.

Почему-то пена из аэрозольного баллончика всегда заставляла его смеяться, так что во время бритья он предпочитал пользоваться самым обыкновенным мылом, а мыльную пену наносил на щеки специальной кисточкой из шерсти кабана, очень симпатичной, с ручкой из слоновой кости. Теперь все это, наверное, в мусорном ведре вместе с его зубной щеткой, ремнем для правки опасной бритвы и самой бритвой. Все эти брошенные им вещи казались мне какими-то слишком живыми, и я решила, что пора их выбросить. Он оставил и свои туалетные принадлежности, и одежду, и матерчатую сумку с двумя книгами – сборником стихов и еще какой-то на иностранном языке. Я свалила все это в кучу, но потом снова в ней порылась и вытащила кисточку для бритья и опасную бритву, тоже с ручкой из слоновой кости. Эти вещи я положила в аптечку и, закрыв дверцу, уставилась на собственное отражение в зеркале.

– Ты всегда должна носить только белое, Брайд. Белое, и только белое. Причем постоянно, – настойчиво требовал дизайнер Джерри, сам себя называвший «total person»<sup>8</sup>. Я решила у него проконсультироваться, пытаюсь в лучшую сторону изменить свой облик в преддверии второго собеседования в «Сильвия Инкорпорейтед».

– Тебе нужно ходить в белом не только из-за твоего имени, – говорил Джерри. – Дело в том, что белый цвет в сочетании с кожей цвета лакрицы – это нечто невероятное. И твоя чернота будет выглядеть по-новому. Понимаешь, что я хочу сказать? Ну, смотри: в белом ты сразу становишься более похожей на шоколадный сироп «Херши», чем на лакрицу. И когда люди тебя видят, им сразу представляются взбитые сливки и шоколадное суфле.

Я не выдержала и засмеялась:

– А может, молочные шоколадки «Ореос»?

– Никогда! При виде тебя у всех должны возникать мысли только о чем-то дорогом, классическом. В крайнем случае, о шоколадных конфетах, сделанных вручную.

Сперва мне это показалось довольно скучным – выискивать в магазинах одежду исключительно белого цвета; но потом я поняла, как много на свете различных оттенков белого: цвет слоновой кости и цвет устрицы, цвет алебаstra и бумаги, цвет снега и сливок, цвет топленого молока и светлого шампанского, призрачно-белый цвет и чуть желтоватый... Еще интересней стало, когда я начала подбирать в магазинах аксессуары самых разнообразных цветов и оттенков.

Джерри, наставляя меня, говорил:

– Послушай, Брайд, детка. Если тебе нужно добавить капельку цвета, ограничься туфлями и сумочкой, хотя я бы на твоём месте то и другое выбирал черного цвета, если в данном случае белый не подходит. И не забывай: никакого макияжа! Даже помады, даже карандаша для глаз. Вообще ничего.

Я спросила насчет украшений. Может быть, золото? Или бриллианты? Или, например, брошь с изумрудом?

– Нет, нет и нет. – Он нервно вскинул руки. – Никаких украшений! Ну, может, крошечные жемчужные сережки-гвоздики. Хотя, пожалуй, даже этого не нужно. Только ты сама, девочка. Только полночное небо и лед. Пантера в снегу. Да еще с твоим роскошным телом! С твоими глазами росوماхи! Прошу тебя, послушайся моего совета!

И я действительно взяла его совет на вооружение, и это прекрасно сработало. Куда бы я ни пришла, всюду на меня обращивались, причем не единожды, и в этих взглядах сквозило отнюдь не то легкое отвращение, с каким многие смотрели на меня в детстве. Теперь меня сопровождали взгляды восхищенные, обожающие, ошеломленные и голодные. Кроме того,

---

<sup>8</sup> Здесь: «полноценное существо» (англ.).

Джерри, окликая меня «эй, девушка!», невольно подарил мне отличное название для новой линии косметики: «YOU, GIRL!».

Я смотрела в зеркало, и мое лицо казалось мне каким-то чужим, незнакомым. Хотя губы вроде бы обрели прежнюю форму, да и нос, и поврежденный глаз выглядели вполне нормально. Немного побаливали сломанные ребра, а вот содранная кожа на лице прижилась, к моему удивлению, быстрее всего. Я опять стала красивой, так почему же душа моя по-прежнему была охвачена глубокой печалью? Повинуясь внезапному порыву, я открыла дверцу аптечки, вынула оттуда кисточку для бритья и осторожно погладила пальцем шелковистые волоски и коснулась ими щеки. Они слегка покалывали, но их прикосновение было каким-то удивительно ласковым, успокоительным. Я провела кисточкой по подбородку, как это делал он, потом под нижней челюстью, круговыми движениями по щекам. И у меня почему-то сразу закружилась голова. Ах, да! Мыло! Ведь нужна же еще мыльная пена! Я нетерпеливо разорвала картонную упаковку и вытащила тюбик с гелем для душа – «для нежной кожи той, кого он обожает». Я выдавила немного геля в мыльницу, смочила кисточку и взбила пену. Размазывая пену по лицу, я даже дыхание затаила. Теперь ей были покрыты и мои щеки, и нос, и даже верхняя губа. Это, конечно, полное безумие, но я не могла оторваться от собственного отражения. Мне казалось, что глаза у меня стали еще больше и сияют, как звезды. А нос не только совсем зажил, но и выглядит идеально. Губы, почти скрытые хлопьями мыльной пены, прямо-таки «звали к поцелуям»; они были настолько соблазнительными, что я даже потрогала их кончиком мизинца. Мне не хотелось на этом останавливаться, однако пришлось. Я сжимала в руках его бритву. Как же он ее держал? Как-то по-особенному, только я не помню, как именно он располагал пальцы. Надо будет потренироваться. А пока я тупой стороной лезвия стала «сбривать» с лица пышные белые завитки мыльной пены, прорисовывая в них широкие темно-шоколадные линии. Потом я хорошенько вымыла лицо и сполоснула его холодной водой, испытывая невероятное наслаждение.

Кстати, работать, не выходя из дома, оказалось совсем не так уж плохо, хотя сперва я этого очень боялась. Я по-прежнему пользовалась должным авторитетом, а Бруклин зачастую не только предугадывала мои намерения, но и несколько раз даже опередила меня в плане принятия решений. Впрочем, я не возражала. Это хорошо, что она пользуется моей поддержкой. А если на меня вдруг нападала хандра, я легко находила спасение от нее: это лекарство в виде заветных бритвенных принадлежностей хранилось у меня в ванной в маленьком шкафчике. И я, взбивая мыльную пену в теплой воде, едва могла дождаться того мгновения, когда к моему лицу прикоснется кисточка для бритья, а затем и бритва. Эта процедура одновременно и возбуждала, и успокаивала. И я могла без горечи вспоминать те времена, когда надо мной смеялись, когда меня обижали.

«А ведь под этой черной кожей, пожалуй, хорошенькая девчонка пряталась» – с таким выводом в итоге согласились и наши соседи, и их дочери. Но Свитнес этого не слышала: она никогда не ходила ни на родительские собрания, ни на школьные состязания по волейболу. Зато, по сути дела, заставила меня поступить в муниципальный колледж и изучать бизнес, а не идти по проторенной дорожке в государственный университет, где нужно было учиться еще целых четыре года. Нет, в университете я так и не побывала. И невесть сколько отказов получила, прежде чем все-таки смогла устроиться на работу, правда, мне разрешили заниматься только поставками товара, но ни в коем случае не продажами: еще бы, ведь меня могли увидеть клиенты! А мне так хотелось самой продавать косметику! Однако я даже попросить об этом не осмеливалась. Но в результате моя мечта все же сбылась – правда только потому, что белые девицы, кстати довольно-таки тупые, не умевшие и двух слов связать, либо получили повышение, либо настолько прокололись, что начальство вынуждено было искать человека, который действительно разбирается и в поставках, и в продаже товара. Меня пригласили на собеседование к руководству «Сильвия Инкорпорейтед», но все прошло крайне неудачно: сомнения



вызвала не только моя одежда, но и мой стиль, и мне сказали, чтобы я зашла в другой раз. Вот тогда-то я и решила обратиться за советом к Джерри. И в следующий раз, когда я, воспользовавшись его рекомендациями, еще только шла по коридору к тому залу, где проходило собеседование, я сразу поняла, что теперь произвожу совсем иное впечатление: я заметила удивленно раскрытые глаза, в которых сквозили и восхищение, и зависть; отметила одобрительные улыбки и шепот: «Ого!», «Ничего себе!», «Вот это да, беби!». В общем, очень скоро я взлетела до уровня регионального менеджера. «Вот видишь! – сказал Джерри. – Черный-то, оказывается, нарасхват. Он в цивилизованном мире пользуется повышенным спросом. А вот белые девушки и даже мулатки вынуждены чуть ли не догола раздеваться, чтобы привлечь к себе такое внимание».

Правда это или нет, не знаю, но белый цвет одежды действительно заново меня создал и полностью изменил внутренне. Я стала иначе себя вести, иначе двигаться – не горбилась, не скукоживалась, не мчалась сломя голову неведь куда, точно спасаясь от погони, не отставляла зад, а ходила спокойным широким шагом, неторопливо, но в то же время вполне целенаправленно. Мужчины буквально липли ко мне, и я позволяла себе наслаждаться их ухаживаниями, пока моя сексуальная жизнь не стала походить на диетическую кока-колу – обманчиво сладкую, но лишенную каких бы то ни было калорий. Больше всего она напоминала игру для «PlayStation», обеспечивающую тот же восхитительный уровень безопасного виртуального насилия и столь же непродолжительную. Мои тогдашние бойфренды были примерно одного типа: будущие актеры, всякие сомнительные полукриминальные личности, профессиональные спортсмены, музыканты и тому подобное; каждый из них только и ждал, когда я раздвину ноги или выпишу ему чек в качестве безвозмездного вспомоществования; ну а те, кто уже получил от меня все, что было нужно, начинали обращаться со мной, точно с завоеванной медалью, таким блестящим и безмолвным свидетельством их мужской доблести. Ни один из них никогда и ничего мне не давал, никогда и ничем мне не помогал, и никого из них не интересовало, о чем я думаю, – их волновало только то, как замечательно я выгляжу. В разговорах со мной они отделялись шутками или сюсюкали, словно я была ребенком, а я-то воображала, что мы беседуем серьезно; впрочем, вскоре они подыскивали для себя более выгодные жизненные подпорки, с помощью которых продолжали лелеять собственное эго. Особенно мне запомнился один ухажер, студент-медик, который уговорил меня вместе с ним поехать на север, в гости к родителям. И как только он представил меня им, довольно милой пожилой белой паре, мне стало ясно: меня притащили сюда в качестве особого средства устрашения или даже угрозы.

– Разве она не прекрасна? – все повторял он. – Вы только посмотрите на нее! Ну, что скажете, мам, пап? – И в его глазах сверкала затаенная злоба.

Однако его затея не удалась. Они были так обаятельны и милы со мной – даже если их теплое отношение и было притворным, – что он не сумел скрыть разочарования, и ему лишь с трудом удалось подавить гнев, бушевавший в душе. Его родители сами проводили меня – отвезли на машине на вокзал и посадили в поезд, – возможно, им хотелось избавить меня от необходимости выяснять отношения с их сыном и обсуждать его провалившуюся расистскую выходку, которая, кстати, направлена была скорее против них. Уехав оттуда, я испытала большое облегчение, хоть и прекрасно понимала, что его мать сделала с той чашкой, из которой я пила у них в доме чай.

Такой вот «мужской пейзаж» меня тогда окружал.

А потом появился он. Букер. Букер Старберн.

Думать о нем сейчас совсем не хотелось. Как и о том, каким пустым, незначительным и безжизненным стало теперь все вокруг. И вспоминать его тело – прекрасное, практически безупречное, если не считать безобразного пятна у него на плече, похожего на шрам от ожога, – мне тоже не хотелось. Мне так нравилась его золотистая кожа! Я лелеяла и разглаживала буквально каждый ее дюйм; а еще я любила брать в рот мочки его ушей. Мне было известно,

какие тонкие волосы у него под мышками, какая симпатичная маленькая ямочка у него над верхней губой – я так любила нежно поглаживать ее кончиком пальца. А иногда я наливала ему в пупок красное вино и высасывала его оттуда. И на моем теле не было ни одного крошечного сантиметрика, который его жаркие губы не воспаляли бы, превращая в яркие вспышки молний. Боже мой! Нет, я должна немедленно это прекратить! И ни в коем случае не думать, не вспоминать о том, как мы занимались любовью. Я должна позабыть о том, что каждый раз испытывала с ним совершенно новые и одновременно древние как мир ощущения. Вообще-то мне, как говорится, медведь на ухо наступил, но когда мы с Букером занимались сексом, я невольно начинала петь, а потом, потом... как гром среди ясного неба прозвучало «Ты не та женщина...», и он, точно призрак, исчез в ночи.

Я изгнана из его жизни.

Стерта из его памяти.

Даже София Хаксли стерла меня из своей памяти. Не кто-нибудь, а осужденная за растление малолетних. Осужденная! Она могла бы просто сказать: «Нет уж, спасибо!» или «Пошла вон!». Но ей захотелось поставить на моей физиономии свой почтовый штамп. Возможно, кулачный бой – это особая форма тюремного разговора, когда вместо слов используются сломанные кости и кровоупускание. Наверное, сокамерники именно так и общаются друг с другом. Хотя я, в общем-то, не уверена, что тут хуже: когда тебя, будто мусор, выбрасывают за ненужностью или когда безжалостно избивают, точно провинившуюся рабыню.

А ведь всего за день до того, как Букер меня бросил, мы с ним встречались в обеденный перерыв в офисе – салат из лобстеров, «Smartwater» и ломтики персиков в бренди. «Нет, немедленно прекрати! – велела я себе. – Нельзя же все время думать об одном и том же! Ты и так почти свихнулась от бесконечного сидения в пустой квартире, где слишком много света, слишком много свободного пространства и слишком одиноко». И я решила, что надо, пожалуй, одеться и куда-нибудь выбраться. Совершить над собой некоторое усилие. Бруклин все время меня на это подбивает. Надо забыть про темные очки и широкополые шляпы и опять показать себя во всей красе, начать жить полной жизнью, словно это действительно так и есть. Уж Бруклин-то хорошо это умеет; сейчас она как раз мое место в «Сильвия Инкорпорейтед» к рукам прибирает.

Одежду я выбирала тщательно: белые, как кость, шорты, открытый топ с петлей на шее, сандалии из соломы на высоченной веревочной танкетке и бежевая холщовая сумка, куда я на всякий случай бросила кисточку для бритвы. Затем журнал «Elle» и обыкновенные темные очки. Бруклин бы все это вполне одобрила, хотя я собиралась всего лишь в парк за два квартала от моего дома; там в это время дня гуляют исключительно собачники и почтенные пожилые люди. Правда, чуть позже в парке непременно появятся еще и любители бега трусцой, а также скейтбордисты, но, поскольку сегодня суббота, никаких матерей с детьми, по крайней мере, не будет. По выходным ребятишки развлекаются сами: назначают свидания, устраивают веселые спортивные состязания и пирушки – но все под присмотром ласковых нянюшек, говорящих по-английски с самыми разнообразными, но очаровательными акцентами.

Я выбрала скамейку возле искусственного пруда, где плавали настоящие утки. И хотя мне удалось довольно быстро заблокировать тут же возникшие воспоминания о том, как Букер описывал мне разницу между дикими селезнями и дворовыми птицами, мое тело отказалось подчиниться, и мне показалось, что его прохладные пальцы ласково разминают мышцы у меня на спине. Перелистывая страницы «Elle» и лениво рассматривая изображения молодых и красивых людей, а также рекламу всевозможных продуктов, я услышала, как по гравийной дорожке шуршат чьи-то неторопливые шаги, и подняла голову. Оказалось, что это пожилая пара. Оба седые, молчаливые, они шли, держась за руки и слегка выпятив полноватые животики. Хотя у него, пожалуй, живот был побольше. Оба были в бесцветных слаксах и свободных футболках, у которых на груди и на спине виднелись порядком вылинявшие принты – что-то насчет мира во

всем мире. Подростки, гулявшие с собаками, при виде почтенной парочки прыскали от смеха и ни с того ни с сего дергали своих псов за поводок; то ли удивлялись, то ли просто завидовали столь долгой супружеской жизни и любви. А эти пожилые люди шли себе неторопливо и осторожно, словно во сне, но шагали, между прочим, в ногу и смотрели прямо перед собой. Мне даже стало казаться, что там, впереди, их ждет межпланетный корабль, и вот-вот в бок у него откроется дверца, отъедет в сторону, и оттуда выкатится язык красного ковра, а старики, по-прежнему держась за руки, спокойно пройдут по этому ковру и поднимутся на корабль, где их и примет в свои объятия благожелательная Сущность под звуки райской музыки, столь вдохновенной и прекрасной, что она у любого способна вызвать слезы...

В общем, это и послужило спусковым крючком. Вид пожилой пары, державшейся за руки, и ощущение безмолвной музыки, их сопровождавшей. И теперь я оказалась не в силах остановить нахлынувшие воспоминания — я словно опять оказалась на том переполненном стадионе, где даже оглушительные вопли зрителей не могли заглушить ту дикую и невероятно сексуальную музыку, что заставляла людей танцевать в проходах и вставать на скамьи, бешено хлопая в такт грохоту барабанов. Я тоже встала и, подняв руки, раскачивалась в такт музыке. Мои бедра, плечи и голова двигались сами собой. Я еще не успела увидеть его лицо, когда почувствовала, что руки его обнимают меня за талию, и прислонилась спиной к груди незнакомца. Он уткнулся подбородком мне в волосы, а его руки соскользнули мне на живот, и я прижала их к себе, но к нему так и не повернулась. Мы так и продолжали раскачиваться в такт безумной мелодии, прильнув друг к другу; потом музыка смолкла, и я обернулась, чтобы посмотреть на него. Он с улыбкой смотрел на меня. А я была настолько возбуждена, что тело буквально трясло...

Уже собираясь уходить из парка, я еще на минутку задержалась и, сунув руку в сумку, ласково погладила кончиками пальцев кисточку для бритья, такую мягкую и теплую.

## Свитнес

Ох, да! Мне порой даже не по себе становится, когда я вспоминаю, как обращалась с Лулой Энн, когда она еще совсем маленькой была. Но вы поймите: я ведь обязана была как-то ее защитить! Она же понятия не имела, каков наш мир на самом деле. Не знала, что в этом мире нам нельзя быть ни упрямыми, ни дерзкими, даже если мы чувствуем себя правыми. Не знала, что можно запросто угодить в тюрьму для малолетних, если, скажем, возразишь учителю или с кем-то подерешься в школе. Не знала, что таких, как она, на работу берут в последнюю очередь, а увольняют – в первую. Да и откуда ей было знать об этом? Откуда ей было знать, что ее иссиня-черная кожа может вызвать у белых людей страх? Что из-за цвета кожи над ней станут смеяться, будут дразнить? Я однажды видела, как девчущку лет десяти – причем далеко не такую темнокожую, как Лула Энн, – поймали белые мальчишки, и один сделал ей подножку, так что она упала. Она, правда, сразу попыталась отползти в сторонку и встать, но второй мальчишка с такой силой пнул ее ногой в зад, что она шлепнулась ничком, а он поставил ногу ей на спину, не давая приподняться. Остальные, разумеется, стояли вокруг и ржали, схватившись за живот и прямо-таки пополам сгибаясь от смеха. Потом девочке все же удалось вырваться и сбежать, а они все продолжали ржать, страшно гордые собой. Я-то, к сожалению, в автобусе сидела и все это из окна видела, иначе бы, конечно, вмешалась, помогла девчонке, оттащила бы ее подальше от белых подонков. Понимаете теперь, как мне важно было Лулу Энн всему научить? Если бы не мои уроки, она бы и не знала, что, если на улице тебе белые мальчишки навстречу попались, нужно немедленно перейти на другую сторону и убраться от них подальше. И ведь ученье ей в конце концов на пользу пошло, и она даже заставила меня ею гордиться. И я, признаюсь, была горда, как павлин. Особенно во время суда над бандой учителей-извращенцев – их трое было, мужчина и две женщины, – которых моя дочь на чистую воду вывела. Она, хоть и была совсем еще малышкой, но, выступая свидетельницей в суде, держалась как взрослая – такая спокойная, такая уверенная в себе. С ее буйными волосами всегда была настоящая морока, но перед выступлением в суде я тщательно ее причесала, туго заплела ей косы и купила синее с белым платье-матроску. Очень я в тот день нервничала, боялась, что она споткнется, поднимаясь на трибуну, или начнет заикаться, или забудет, что ей говорили психологи, и опозорит меня. Но нет, слава богу, все обошлось, и с ее помощью удалось накинуть, если можно так выразиться, петлю на шею каждому из этих грешников. Вас бы, наверно, стошнило, если б вы слышали, в чем их обвиняли. А какие гнусности они заставляли делать совсем маленьких ребятишек! Впрочем, все это и в газетах было, и по телевизору. Несколько недель под стенами суда собирались толпы орущих людей – учились их дети в той школе или не учились. Некоторые даже с самодельными плакатами приходили: «Смерть проклятым извращенцам!» и «Никакого снисхождения дьяволам!».

Большую часть слушаний я просидела в зале суда; ну, не каждый день, конечно, а в те дни, когда, согласно предварительному расписанию, предстояло выступать Луле Энн. Выступления свидетелей все время переносились или даже отменялись, потому что многие в суд вообще не явились – кто-то заболел, а кто-то и вовсе передумал. Лула Энн выглядела испуганной, но держалась хорошо и вела себя тихо в отличие от других детей-свидетелей; многие из них места себе не находили от волнения и даже поскуливали, а то и вовсе навзрыд плакали. После выступления Лулы Энн я чуть не лопалась от гордости. Мы с ней рука об руку вышли из зала суда. Не больно-то часто видишь, как маленькая чернокожая девочка сбивает спесь с белых злодеев! Мне очень хотелось, чтобы Лула Энн поняла, как я ею довольна, как горжусь ею, и я решила купить ей пару сережек – такие маленькие золотые колечки. А потом мы пошли и прокололи ей уши. Даже наш квартирный хозяин улыбнулся, когда нас увидел. В газетах, правда, никаких фотографий не было – это запрещено законом о личной неприкосновенности

детей, – но слухи о выступлении Лулы Энн в суде разошлись мгновенно. И владелец аптеки, который всегда рожу кривил, стоило ему нас вместе увидеть, подарил моей дочке шоколадный батончик «Кларк», узнав, как мужественно она себя вела.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.